

НА ФОНЕ ПУШКИНА И ПТИЧКА ВЫЛЕТАЕТ

Новая газ. - 2000 - 5-11 июня (№ 22) - с. 21

Год без солнца русской поэзии

— Я в свои девяносто два... — кокетничает моложавая парижанка, набавляя себе двадцать лет и два года и убирая этим с шахматной доски соперниц любого возраста и интеллекта.
— А почему не в девяносто? — спрашиваю у мадам.

— А потому, мой юный друг, что люди никогда не верят круглым цифрам. Пристрастие к круглым датам — родовая черта круглых дураков.

Слава богу, Пушкину нынче уже 201. А потому ни правительству, ни шоу-бизнесу до него нет дела...

Год назад нам засовывали его в глаза, уши и даже в рот, мазали на каждый бутерброд с «Рамой», превращали в гель, одаривали в формате пропаганды безопасного секса. Пушкинский шабаш не имел ровно никакого отношения к самому поэту, но высветил умопомрачительную пустоту тех, кто заказывает идеологическую телемузыку. Большие и маленькие булгары торжествовали: «Пушкин — это наше!» И им казалось, что он — совсем такой, как им надо. То есть как они.

Круглый, но в квадрате своей знаменитости. Пушкинская кампания 1937 года должна была отвлечь от кампании террора. Пушкинские камлания года 1999-го были призваны помочь привести в парламент «Единство», а в Кремль того, кто был назначен премьером сразу по прошествии юбилейных торжеств.

И что? В декабре и марте выборы показали, что у них практически все получилось. Только Жириновский назвал с экрана Пушкина врагом России и уточнил, что поэт был революционером и разрушителем. Но это было в передаче о пропащем в Грозном Андрее Бабидком, а значит, после юбилея, когда они Пушкина уже использовали.

И понаписали. И приписали. Из перлов: «Я лиру посвящал народу...» и «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

На Большой Никитской изваяли чудовищную бетонную ротонду с золотыми в ней карликами — Александром Сергеевичем и Натальей Николаевной. И на Арбате — нечто в том же духе безвременья, но поскромнее. Там ларьки и «местов нет».

Москва скушала. Не Петр же чертешевский — меньше и компактнее.

Мой друг, петербургский режиссер, прогулялся по пушкинским местам Первопрестольной и сделал открытие: «Знаешь, их идеал — курортный город. С вазонами, набережной и колоннами. Они из Москвы и Петербурга хотят сделать Ялту. Потому что Ялта — их культурный потолок».

Видимо, в соответствии с этим замыслом уютный и теплый Пушкинский музей на Кропоткинской превратили в архитектурного монстра — то ли вокзал, то ли ГУМ, то ли Центр Помпиду для убогих варваров. Но с бьющим под стеклянным полом фонтаном слез. Очевидно, народных.

Нагородили помещений, установили в них температурный режим оттаявшего холодильника, а о том, что хранители — живые люди и не могут весь рабочий день существовать при плюсе семнадцать, забыли. (Что же им, отдельные комнаты устраивать?) Проводятся презента-

ции и балы для очень ответственных чиновников, а традиция Пушкинских вечеров захирела сама собой: Эйдельман, Бонди, Самойлов и Берестов умерли, а новых Эйдельманов новой власти даром не надо.

Но год без Пушкина (их Пушкина, официального) — это почти счастье. Потому что не весь народ у нас кушает пошлость и потому что книги все же выходят.

О двух изданиях расскажу. Первое — фолиант «Пушкинского календаря» Надежды Кондаковой и Владимира Чепкунова. (Проект получил президентский грант в области культуры.) Идея замечательная: календарь русской культуры и впрямь может начинаться с 6 июня по новому стилю. Начинали же византийцы свой год с 1 сентября в память о том, что в этот день император Константин Великий даровал свободу христианам.

На каждый день — одно событие или имя. Пушкинский круг — люди, о которых он думал, люди, которые повлияли на него или его жизнь. Но еще — поэты, философы, художники, общественные деятели «поздней пушкинской плеяды», то есть жившие после Пушкина.

Заглянем, как в детстве, на последнюю страницу. Последним днем Пушкинского года будет 5 июня.

Кому повезло? Можно сказать, что никому, а вообще-то — Казанове.

Правда, итальянский авантюрист и писатель тут не родился, а умер, и не 5 июня, а 4-го. Но день оказался занят генералом Ермоловым, и тот, атаковав итальянца в лоб, опрокинул его на следующую, последнюю, страницу Пушкинского года.

Я понимаю, почему составители решили закончить календарь именно этой исторической фигурой. Она ведь нам интересна сейчас не сама по себе, а рецензией Пушкина: «... После соблазнительных *Исповедей* философии XVIII века явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и в шлафроке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных, с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона...»

Пушкин точно увидел тенденцию века: прошлого, нынешнего и, боюсь, будущего. С той лишь разницей, что для нас мемуары Судоплатова или Бобкова — вещь абсолютно не стыдная, а нормальная. Мы привыкли к патологии. Вот

год назад толстые журналы не только писали, скажем, о книжке мемуаров критика В. Топорова, но и находили «особую исповедальность» в рассказе о том, как критик отправил на тот свет свою мать. Ну а записки журналистки, соблазняющей политиков не чтобы переспать, а чтобы написать, кто и каким способом с ней переспал, это с точки зрения нашего века вообще супер.

Жаль только, Пушкин бы нас не понял.

И поэтому я не знаю, что хотели сказать авторы, заканчивая календарь справкой: «...к 1837 году из 12 томов «Мемуаров» Казановы в библиотеке Пушкина имелось 10».

Что он сам кайфовал, разглядывая картинку будора?

А календарь интересный. Он — портрет нашего времени, потому что еще Окуджава

(и то и другое, скажем помягче, неточность) и превращают Николая Павловича не только в заботливого отца поэта, но и в мыслителя, сумевшего по достоинству оценить масштаб пушкинского ума и гения.

Естественно, что при таком взгляде на вещи от оппонентов самодержавия в календаре мало что остается. Есть Рылев и Бестужев-Марлинский, но — ни Пестеля, ни Лунина. Жаль, ведь Пушкин Лунина так любил, что, когда прощался (как знал, что навек), взял на память прядь его волос.

13 июля для авторов календаря — не день казни декабристов, а день смерти мадам де Сталь. А 14 декабря читаем: «Взгляды Пушкина на трагедию 14 декабря достаточно четко разделяются на два практических отдельных вопроса: отношение поэта к декабристам и декабризму как к политическому движению... Пушкин никогда не был приверженцем политических потрясений и переломов, и друзья-декабристы не могли этого не чувствовать».

А это уже неправда. «Никогда» — это значит не умоляя в Петербурге в 1819 году «первого и бесценного»

А. С. Пушкин Автопортрет на будущее. 1823 г.

ковский герой: мол, повезло, стрелял в него тот белогвардеец?

И почему 28 апреля — день Ивана Баркова, от которого и отчества-то не осталось, лишь годы жизни? А вот в чем дело... Авторам важно сказать, что Барков — автор «Луки Мудилы», непристойной уже с заглавия и очень бойкой поэмы. Просто о том, что к Баркову умершему в 1768 году, поэма «Лука М.» в которой пародируется и пушкинский «Медный всадник», никакого отношения не имеет, авторы не знают. Специально этим вопросом не занимались и доверились педэзловскому трепу.

Придираться к «Пушкинскому календарю» можно еще очень долго. Вот оформление статей. Почему в соответствующих местах есть пушкинские портреты Дельвига, Гете, Рылева, двух царей — Александра и Николая, а пушкинского рисунка Петра I, Пугачева, Грибоедова, Инзова, Вяземского нет? Почему статья о Шенье проиллюстрирована профилями Мирабо и Марата? Мелочи? Пускай мелочи.

Но специалист сразу же поймет, что книгу Рэдмоны Жуйковой «Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций» (СПб., 1996) авторы не знают.

За массой досадных мелочей — отсутствие той культуры пушкинистики, которая (и пушкинистика, и культура) существовали у нас до начала 90-х.

«Нету их — и все разрешено...»

В предисловии соавторы благодарят тех, кто помог им в работе над книгой. Ни одного известного мне по публикациям имени я не обнаружил.

Это вот, должно быть, и называется «народным пушкиноведением».

Идея замечательная. Труд проделан большой. Для двоих человек, тем более для непрофессионалов, эта книга — удача.

Жаль уважаемых и впрямь очень искренних даже в своих мифологемах соавторов. Жаль их труда и роскошной идеи. Ах, как ее можно было разыграть вместе с нищими профессионалами Пушкинского музея или Пушкинского дома!.. Увы, время приватизации и начального накопления не любит делиться даже планами.

Когда за дело берутся специалисты, результат, конечно, другой.

Издательство «Слово/Слово» выпустило четырехтомную «Летопись жизни и творчества Александра Пушкина». Первый том (до сентября 1826 года) давно стал классичес-

подметил: «На фоне Пушкина снимается семейство...»

Но что за птичка вылетает, если есть, скажем, в календаре генерал Ермолов, но нет куда более близкого Пушкину генерала Раевского? И зачем-то в ряд с Блоком, Ахматовой, Ходасевичем и Твардовским поставлены не блистательный Николай Заболоцкий и не автор, может быть, лучшего пушкинианского стихотворения второй половины XX века Давид Самойлов («Пестель, Поэт и Анна»), а скучноватый, хотя и самобытный в своей дремучести Владимир Солоухин. (Образчик его рассуждения: «Имя «Капитанскую дочку», нельзя было бы дать Государственную премию «Бедной Лизы». Но без «Бедной Лизы» могло бы не появиться «Капитанской дочки»...»)

6 июля авторы вполне в монархически-верноподданническом духе празднуют Николая I. Сообщают, что царь избавил Пушкина от опалы и цензуры

своего друга Ивана Пушкина принять его в Тайное общество и не расплакался (или честный Якушкин врет?), когда на юге, в Каменке, тамошние заговорщики решили разыграть поэта, прикинувшись, что пригласили на сходку, а после заявив, что это шутка.

«Никогда» — это значит, нет ни «Послания в Сибирь», ни «Ариона», ни десятой главы «Онегина». Не было и строки «И я бы мог как шут висеть...»

Самое трудное в жанре, который придумали Кондакова и Чепкунов, — репрезентативность выборки. Проще говоря, ее представительность. Все равно все в календарь не войдет, да никто и не ждет от такого издания полноты.

Ну зачем мне знать, что 19 февраля — день зачисления Дантеса в кавалергардский полк? Что Пушкинский год невозможно провести без дня Дантеса? Или прав оказался булга-

ким: его составил еще М.А. Цявловский. Три других подготвила Н.А. Тархова.

Валим Медведев (ныне уже покойный), иллюстрируя это издание пушкинскими рисунками, даже пустил две нумерации: сверху страницы — нумерация каждого тома, снизу — сплошная. Представляя себе, какой высоты стопа бумаги оказалась у художника на столе, думаю, что Медведев здесь даже чуть хулиганил: ему прежде всего самому было интересно, сколько же текста в этом труде? Вышло, что более двух тысяч страниц книжного петита.

Чего это стоило Надежде Тарховой, могу только догадываться.

Издание это, конечно, пробное. Ошибки тоже есть (в том числе и чисто компьютерные: программная несовместимость, вовремя не пойманная издателями, нанесла урон части справочного аппарата). Но вот здесь публичным блохоловом быть не хочется. (А то, что наловлю, пошлю составителю, как этого и требует долг коллеги-пушкиниста.)

День за днем, из нескольких десятков тысяч кусочков мозаики составляется портрет пушкинской жизни. Мозаика — это свидетельство современников и самого поэта, доносы и донесения властям (полицейский надзор за Пушкиным официально был снят только спустя полвека после его смерти), строки архивных документов.

Когда-то Владислав Ходасевич собрался засесть за биографию Пушкина. Не смог. И только теперь становится понятно, почему.

Собственно, это та книга, появление которой объясняет, почему биография самого читаемого русского поэта до сих пор не написана. Потому и не написана, что «Летопись...» издана только в юбилейном году. И теперь время взглянуть на Пушкина глазами не Вересаева, а Цявловского и Тарховой.

Каким предстает неконфетный и неадаптированный ко вкусу черни поэт?

А вот этого, уж увольте, не скажу.

Книга продается. Стоит недешево, но свободные пятнадцать сантиметров на книжной полке ради Пушкина и такого дела отыскать может каждый российский книголюб.

...В надежде славы и добра мысленно листаю календарь. До пушкинского поступления в Лицей еще, слава богу, одиннадцать лет.